Ст-ХУДОЖНИК - ГРАЖДАНИН

Ответственно говорить о Евгении Вахтангове, человеке, гражданине и художнике, столь драгоценном для всех нас, людей искусства: ведь словами и мыслями мы пишем портрет, а так легко не угадать верной краски.

Но я считаю долгом своим говорить о Вахтангосе, так как уже немного осталось нас, тех, на чьих глазах проходили первые московские годы молодого Жени Вахтангова и годы труда и творческих исканий Евгения Вахтангова, на чьих глазах и по сей день не угасает духовная жизнь ни Жени, ни Евгения, но просто Вахтангова.

Жизнь человека — свиток: он раскачивается на дни. Великое и торжественное в человеке сказывается в повседневности, так вот из тех многих-многих дней Вахтангова, каким я была свидетельницей, у меня сложилось представление о всей его жизни.

Где-то прочла я, что великому ваятелю Бенвенуто Челлини был воздвигнут памятник и надпись на нем гласила, что художник поднимается ввысь, в небо по раскаленным ступеням.

Вахтангову были ведомы раскаленные ступени творческих преодолений, но по ним он шел не в небо, а вперед и для земли. Он знал мучительно-трудно достигаемое и потому такое сладостное чувство восхождения по ступеням мастерства. Вахтангов не принадлежал к числу тех, кого мы зовем «удачниками» — он не был вздымаем вверх эскалатором случайного успеха, с единственной заботой при таком подъеме цепко держаться за поручни. Вахтангов шел своими ногами, шел по непроторенным дорогам — вот в чем истинно человеческий героизм короткой и удивительной мужественной жизни Вахтангова.

К 75-летию со дня рождения
Евг. ВАХТАНГОВА

Я не питаю пристрастия к ореолам и нимбам и не люблю, когда человека причисляю к святым, ибо человеческое достоинство почитаю самым высшим. Вахтангова не надо представлять неким Лоэнгрином со страусовыми перьями на шлеме. Нет! Он жил в великом городе Москве и был, как все москвичи. Не выше, но высоко чувствовалось в нем со дня первой с ним встречи, когда пришел он в драматическую школу артиста МХАТа А. И. Адашева, чувствовалось тогда, когда Вахтангов был Женей. И сразу, кажется, без экзамена был он принят на второй курс, а ведь это было в 1908 году, когда «по одежке» встречали.

Вахтангов был талант, и драгоценная руда таланта чудилась в этом сухощавом молодом человеке с большими, чуть-чуть выпуклыми изумрудными глазами. Глаза у Жени были задумчивые, умные, он умел смеяться глазами, хохотать ими беззвучно над всем, что достойно было смеха. Юмор — это неотъемлемое качество Вахтангова.

Нового ученика довольно быстро признали преподаватели — Леонидов, Лужский. Качалов, Сулержицкий. Без зависти и ревности первым и лучшим из нас признали Жени Вахтангова и мы, его соученики по драматической школе Адашева, а впоследствии — сотрудники Московского Художественного театра.

Леопольд Антонович Сулержицкий всей душой поверил в Вахтангова и пе-

редоверил его Константину Сергеевичу Станиславскому.

Талант — это надежда на себя, но без помощи молодому сердцу, еще не окрепшей воле, без поддержки эта надежда, тайная и робкая, недолговечна. Доверие Станиславского и привязанность Сулержицкого стали для Вахтангова защитой от сквозняков, щитом от ударов, и Вахтангов стал цвести...

* * *

Готовится к печати большая книга о Евгении Вахтангове. Там будет сказано многими и много о Евгении Вахтангове, о прекрасных делах его.

А сегодня каждый из нас, его знавших, излагает то, что кажется главным в Вахтангове. По своему чувству и разумению главным в Вахтангове я считаю его пламенную любовь к искусству, способному принять участие в преобразовании действительности, волю Вахтангова к жизни.

Никогда в искусстве не отрывался он от земли и современности — не изменял реализму. Репетиции «Принцессы Туррандот» — прославленной постановки Вахтангова — были вдохновлены желанием его, тогда уже смертельно больного, дать советским людям художественную радость, активизирующую мысль, чувство, волю зрителей, пробуждающую в них художников.

Как хорошо, что в нашей стране мы празднуем дни рождения дорогих нам людей. Мы воздаем славу славным, мы благодарим их за верность народу, действительности, за их реализм, за то, что для таких людей большое и общее нелицемерно дороже их личного. Жизнь таких людей сильнее их смерти.

Серафима БИРМАН,
народная артистка РСФСР.

13 ФЕВ 1958

Комсомольская правда

Г. Москва